

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДИРЕКТОРОВ: В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

20 августа опубликовано долгожданное Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

Мы обратились к экспертам с просьбой оценить предложенные Пленумом правила взыскания убытков и перспективы изменения арбитражной практики после принятия Постановления. Какие его положения будут наиболее перспективными и, наоборот, какие можно признать неудачными?

РОМАН БЕВЗЕНКО

начальник управления
частного права ВАС РФ,
кандидат юридических наук

— На мой взгляд, это один из самых ожидаемых документов в сфере гражданского права, появление которого вызвано двумя факторами.

Первый — это отвратительное, не побоюсь этого слова, состояние судебной практики в сфере взыскания убытков вообще и взыскания убытков с директоров в частности. Описать его можно одним кратким тезисом: взыскать убытки в России практически невозможно. Это связано не с состоянием норм об убытках (они вполне нормальные), а с их толкованием судами, которые требуют от истцов доказывания, во-первых, точной суммы убытков, во-вторых, прямой причинно-следственной связи между убытками и действиями ответчика. Выполнить как первое, так и второе зачастую невозможно, и это является основанием для отказа в иске. Особенно мило выглядят в судебных актах такие пассажи: «Доводы истца о том, что он понес убытки в виде упущенной выгоды, носят вероятностный характер и не могут быть положены в основу судебного акта». А какой же еще характер может носить упущенная выгода?! Я не берусь ответить на вопрос, почему российские судьи так не хотят признать убытки... Возможно, это боязнь ошибиться, обогатив кого-то сверх меры (как это было в случае с неустойкой и ее снижением по ст. 333 ГК); возможно еще что-то, не знаю...

Вторая причина появления этого Постановления заключается в следующем. Долгое время главным иском, при помощи которого российские участники гражданского оборота защищали свои нарушенные имущественные права,

был иск о признании сделки недействительной и о реституции. Легко понять почему: подлинный главный иск гражданского права — иск об убытках — практически никогда не выиграешь; а даже если и выиграешь, то потом споткнешься об «эффективность» отечественного исполнительного производства. Гораздо вернее добиться судебного акта о возврате своего неправомерно находящегося у другого лица имущества. Исполнять такие решения (особенно в отношении недвижимости) не в пример проще.

Вот на этом фоне и сложилось широчайшее применение иска о недействительности сделок, которое стало бичом и позором российского правопорядка: признать недействительным еще некоторое время назад можно было все что угодно. (Мне рассказывали, что в начале 2000-х один адвокат бился об заклад, что он может добиться признания в суде недействительным абсолютно любого договора; почему-то я уверен, что он не блефовал.)

Реакция правопорядка на аномальное применение норм о недействительности не заставила себя ждать. Вначале это была практика ВАС РФ, который ограничил оспаривание сделок с заинтересованностью в случае добросовестности контрагента (Постановление Пленума ВАС РФ № 40); потом был антирейдерский закон № 205-ФЗ, серьезно ограничивший оспаривание сделок по корпоративным основаниям; потом — поправки в ГК РФ, которые буквально пропитаны стремлением ограничить оспаривание сделок. В итоге, как мне кажется, ситуация вроде бы стала исправляться — тотальное оспаривание сделок уходит в прошлое.

Но тут же сложилось странное положение: прежний путь защиты — оспаривание сделок — существенно ограничили, а другой — взыскание убытков — остается недоступным. В целом это очень пахнет лишением права на судебную защиту... Именно поэтому одновременно с мерами по ограничению оспаривания сделок требуется серьезная работа по улучшению практики взыскания убытков. И Постановление № 62 — это один из шагов в этом направлении.

**АЛЕКСАНДР
КУЗНЕЦОВ**

главный консультант
управления частного права
ВАС РФ

— На мой взгляд, обсуждаемое Постановление Пленума ВАС РФ следует рассматривать не только как разъяснение по ряду сложных юридических вопросов, но и как общий посыл судам о необходимости более внимательно подходить к рассмотрению соответствующей категории споров. Причем этот посыл, как кажется, был услышан еще на этапе обсуждения проекта постановления: по крайней мере даже самый беглый анализ судебной практики за период с момента размещения проекта на сайте ВАС РФ показывает, что суды стали чаще удовлетворять иски о взыскании убытков с директоров.

Что касается содержательной стороны Постановления, следует отметить, что оно ценно прежде всего тем, что определяет примерные стандарты поведения директора. Наличие таких ориентиров крайне важно не только для участников юридического лица, но и для самого директора. С другой стороны, дабы избежать излишней регламентации и не сковывать судебское усмотрение, стандарты поведения директора нанесены, если можно так выразиться,

крупными мазками. Это сознательный шаг. Дальнейшая конкретизация стандартов будет проводиться уже в судебной практике по конкретным делам.

Следует обратить внимание, что Постановление Пленума ВАС РФ предлагает решение нескольких концептуальных вопросов. Чего стоит только п. 10 о праве лица требовать взыскания убытков, даже если оно не являлось участником юридического лица на момент их причинения. И хотя этот пункт вызвал в свое время довольно много споров, лично мне кажется более ценной идея, отраженная в п. 5, который ориентирует суды на то, что взыскивать убытки с директора можно не только за банальное воровство и вывод активов, но и за плохую организацию управленческого процесса. Это очень важно, поскольку в более или менее крупной компании директор является, по существу, организатором и сам лично редко совершает сделки и иные решения, которые могут причинить убытки компании, однако это не означает, что он ни за что не отвечает. Не менее значимым является и п. 7, который, будучи формально посвящен вопросам иерархии полномочий органов управления (кто кому может давать указания), на самом деле является ответом на вопрос о том, в чьих интересах действует директор: в интересах юридического лица, а не только участников. Предложенное решение находится в русле подходов развитых европейских стран (таких, например, как Германия), право которых исходит из того, что следует стремиться к благополучию компании в целом, а не только ее участников, поскольку через компанию получают удовлетворение интересы широкого круга лиц (кредиторов, работников, участников) и в конечном счете общества и государства.

Безусловно, Постановление не охватило, да и не могло охватить все вопросы, связанные с взысканием убытков с директоров. Например, остался без ответа вопрос об их взыскании с «теневых» директоров, т.е. лиц, которые фактически управляют юридическим лицом, не будучи назначенными на какую-либо должность. В первую очередь это мажоритарные участники. Обсуждение данного вопроса в ходе публичной дискуссии по поводу проекта постановления показало, что в юридической общественности нет единства мнений на этот счет. Будем надеяться, что мы еще сможем вернуться к этому вопросу с принятием соответствующего раздела обновленного ГК РФ, который прямо указывает на обязанность участников не причинять вред обществу.

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

ведущий советник
управления частного права
ВАС РФ

— Надеюсь, что после принятия данного Постановления эффективность взыскания убытков как формы ответственности директоров заметно возрастет. Пока же, если судить хотя бы даже по практике Президиума, число дел об оспаривании сделок юридических лиц в разы больше, чем число дел о взыскании убытков, причиненных такими сделками.

Одним из наиболее полезных для практики моментов я считаю примеры того, как доказывать нарушение директором его обязательства перед организацией. Также не может не радовать поворот практики по вопросу о правопреемстве в иске об убытках при переходе прав на акции и доли: содержащееся в Постановлении Пленума решение наконец-то делает приобретателя корпоративных прав полноценным, а не усеченным правопреемником. Надеюсь,

что это только начало и аналогичный поворот произойдет и в вопросах оспаривания участниками договоров и решений собраний.

Очень жаль, что в ходе обсуждения из проекта ушел в прямой форме вопрос об ответственности участников юрлица, но жизнь рано или поздно заставит ответить на него, тем более что такие дела уже есть в судах. Надежду в этом плане дает и проект поправок в ГК РФ. Думаю, уже и сегодня позитивное право дает все основания для постановки вопроса об ответственности участника — это и п. 3 ст. 53 ГК РФ (на мой взгляд, он распространяется и на участников), и Обзор по исключению участника из ООО, также прямо признающий так называемую фидуциарную обязанность участника (а раз есть обязанность, то есть и ответственность в форме убытков, а не только исключения — см. ст. 15 ГК РФ).

В то же время нужно быть реалистом и не забывать, что на пути обеспечения эффективности взыскания убытков вообще (не только с директора) есть еще немало сложностей и одна из них — это низкая эффективность исполнительного производства по взысканию денег; впрочем, и в этой области прогресс тоже происходит.

АНДРЕЙ ГАБОВ

заведующий отделом гражданского законодательства и процесса ИЗИСП при Правительстве РФ, доктор юридических наук

— Документ важный и нужный. Мы внимательно его анализировали в рамках РСПП и предлагали свои замечания на стадии обсуждения. Многие из них в процессе доработки документа были учтены, и это не может не радовать, поскольку в настоящее время критически важно для улучшения качества управления сформировать единообразную практику (хотя бы в отсутствие нормального законодательства в этой области). А практика привлечения к ответственности членов органов управления юридических лиц (прежде всего хозяйственных обществ и производственных и сельскохозяйственных кооперативов) весьма противоречива. Суды выносят по одним и тем же вопросам и схожим обстоятельствам порой совершенно различные решения¹. Прежде всего это касается квалификации тех или иных действий (бездействия) как добросовестных (недобросовестных) и разумных (неразумных). Такая ситуация влечет серьезные риски для руководителей (членов органов управления юридических лиц), к тому же она не создает никаких гарантий для участников юридических лиц: они не имеют ясного понимания, смогут ли они в случае неправомерного поведения руководителей, которое причинит убытки юридическому лицу, эти самые убытки компенсировать.

К сожалению, такая ситуация неопределенности — продукт нашего законодательства, которое в сфере ответственности членов органов управления юридических лиц бессистемно, хаотично и, если хотите, безыдейно: положения многочисленных законов не имеют никакой единой основы, идеи, объяснения того, почему институт ответственности в этой сфере сформирован именно таким образом, на чью защиту он направлен.

¹ Подробнее см.: Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.

Компенсировать разъяснением судебной практики отсутствие нормального правового регулирования соответствующего вопроса, с моей точки зрения, в полной мере нельзя. Тем более что и сам документ оставляет множество возможностей для его толкования с различными (подчас прямо противоположными) выводами. Однако я не могу не признать, что отредактированный после многочисленных критических замечаний текст Постановления может сыграть положительную роль в создании единообразной практики применения определенных правовых норм. Пусть даже и временно, до той поры, пока наконец-то соответствующие вопросы не будут урегулированы на уровне закона.

В комментируемом Постановлении мне кажутся важными (и положительными) следующие моменты:

— в нем сделана *попытка* (выделю это слово, поскольку без внесения изменений в законодательство описать это правило можно только в весьма общей форме) описать так называемое правило делового решения (*business judgement rule*), известное в некоторых зарубежных правовых системах;

— документ ясно указывает, что суды должны отдельно квалифицировать недобросовестность и неразумность, и это верно, поскольку это категории разные;

— документ дает ориентиры, что в любом случае является недобросовестным и неразумным поведением (п. 2 и 3);

— документ указывает (п. 8), что удовлетворение требования о взыскании убытков не зависит от того, имелась ли возможность возместить имущественные потери юридического лица с помощью иных способов защиты гражданских прав, в том числе путем применения последствий недействительности сделки и пр.;

— важно (и это положение появилось как раз после критики первоначальной редакции документа), что документ стал учитывать ситуацию информационной асимметрии; в частности, указывается, что при принятии решения «надлежит принимать во внимание ограниченные возможности членов коллегиальных органов юридического лица по доступу к информации о юридическом лице, на основании которой они принимают решения».

Неудачных моментов тоже хватает. Для их разбора формата комментария явно не хватит, поэтому постараюсь осветить их коротко.

1. Мне кажется, документ не решает одну ключевую проблему: отсутствие четких границ между правомерным и неправомерным поведением. Он этого и не может сделать в принципе — надо реформировать законодательство, но в таком случае лучше не писать что-то в формате обобщения судебной практики, а заняться реформированием законодательства.

2. Документ каким-то счастливым образом избежал упоминания в нем... вины. Это удивительно, как его разработчикам удался такой номер, ведь вина — неотъемлемая часть состава для привлечения к ответственности члена органа

управления. Этот вопрос в общих чертах решен и Конституционным Судом², который указал, что наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Применительно к ответственности членов органов управления юридических лиц исключений не закреплено. Понятно, почему разработчики пошли по такому пути: как показывает анализ судебной практики, обнаружить вину крайне сложно, она теряется, если доказаны обстоятельства недобросовестности и/или неразумности поведения. И комментируемый документ делает дальнейшие шаги по фактическому исключению вины из числа элементов состава, необходимого для привлечения руководителя к ответственности (п. 1, 2, 4 Постановления). Здесь очевидна проблема доктринального свойства, и решить ее разъяснением и обобщением судебной практики невозможно.

3. Разработчики стремились сделать документ общим, т.е. распространить его действие на всех членов органов управления юридических лиц всех организационно-правовых форм, видов и типов (п. 1). Однако в результате получилось, что за основу разъяснений по существу были взяты положения об ответственности членов органов управления хозяйственных обществ. В результате некоторые положения смотрятся, мягко говоря, странно. К примеру, п. 7 Постановления указывает, что «не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно...». Помимо того что эта логика не вполне корректна, нельзя не отметить, что такое разъяснение не учитывает специфики регулирования применительно к некоторым организационно-правовым формам. К примеру, ст. 28 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» прямо указывает, что члены правления кооператива не возмещают ему убытки, если их действия основываются на решении общего собрания. В п. 7 Постановления указаны два традиционных для законодательства о хозяйственных обществах основания для освобождения от ответственности: голосовал против или не принимал участия в голосовании. При этом совершенно не учитываются положения вышеназванного Закона о сельскохозяйственной кооперации, где вариант голосования «воздержался» также освобождает от ответственности.

4. По-прежнему (этот вопрос был предметом дискуссии на стадии обсуждения проекта Постановления) вызывает вопросы редакция п. 5 в части ответственности члена органа управления за действия третьих лиц. После учета ряда критических замечаний на стадии обсуждения проекта Постановления этот пункт стал много лучше, но некоторая двойственность, неопределенность все равно осталась.

² См., напр.: Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 1-П.

5. Вызывает вопросы п. 10 Постановления. В принципе понятно, о чем идет речь, однако предложенный подход несколько расходится с тем, который применяет Высший Арбитражный Суд в делах о признании недействительным решений органов управления хозяйственных обществ.

Подчеркну, что это далеко не все замечания к утвержденному Постановлению.

Что бы я привнес в предложенные судом правила взыскания убытков? Ничего. Я свою позицию уже высказывал³: заменить разъяснениями и обобщениями судебной практики несовершенство (если не сказать больше) нашего законодательства в части ответственности членов органов управления юридических лиц невозможно. Надо менять законы, ясно и четко регулируя вопросы управления юридическим лицом и ответственности управляющих.

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВ

партнер Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев
и Партнеры», адвокат,
кандидат юридических наук

— Принятие такого Постановления — дело правильное, вот только у меня утвержденный в итоге финальный текст вызывает довольно противоречивые чувства: нет в нем какой-то единой выдержанной логики. Понятно, что ВАС РФ в очередной раз показывает, что он желает развернуть практику разрешения корпоративных (и шире — любых коммерческих) споров в сторону взыскания убытков и в перспективе существенно сократить количество дел, в рамках которых оспариваются корпоративные акты (крупные и заинтересованные сделки, решения общих собраний и т.п.) или идет борьба за корпоративный контроль (акции, доли). Однако вряд ли это Постановление Пленума внесет какой-либо существенный вклад в движение в этом направлении, поскольку наряду со множеством позитивных новелл оно задает слишком большую неопределенность по ряду самых ключевых вопросов.

Во-первых, с принятием данного Постановления ВАС РФ, хотя бы и предельно осторожно, открыл нижестоящим судам возможность оценивать экономическую целесообразность тех или иных коммерческих действий директора. Боюсь, что в данном случае он открыл ящик Пандоры, о чем пока еще мало кто задумывается. Внешне все выглядит довольно аккуратно. С одной стороны, ВАС РФ говорит, что судам негоже этим заниматься (в п. 1 Постановления указывается, что «поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска»). Вместе с тем судам разъясняется (подп. 5 п. 2 Постановления), что недобросовестность действий (бездействия) директора считается доказанной (если это им не опровергнуто), в том числе когда директор знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например совершил сделку (голосовал за

³ См.: Габов А.В. Указ. соч.

ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-одндневкой и т.п.). При этом под сделкой на невыгодных условиях понимается сделка, цена и (или) иные условия которой существенно в худшую для юридического лица сторону отличаются от цены и (или) иных условий, на которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (например, если предоставление, полученное по сделке юридическим лицом, в два или более раза ниже стоимости предоставления, совершенного юридическим лицом в пользу контрагента). В этой же логике находится разъяснение о потенциальной ответственности директора за ненадлежащий выбор контрагента юридического лица (п. 5 Постановления), где так или иначе допускается последующий контроль суда за коммерческой составляющей сделки.

Несмотря на то, что сама по себе идея привлекать директоров к ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу, довольно симпатичная, я очень опасаюсь этой расплывчатой категории «интересы юридического лица», когда она вверяется нижестоящим судам для того, чтобы применять данный институт. Проблема в том, что объективно у юридического лица нет никаких собственных интересов: они всегда ситуативны и зависят от множества факторов (расстановка сил среди акционеров, кому лоялен директор, каково экономическое положение дел внутри организации и т.д.). Поэтому вводить в юридический оборот для привлечения к ответственности довольно расплывчатую категорию — значит стимулировать развитие судейского произвола и уж точно не стабилизировать оборот или создавать понятные правила игры. Скажем, если бы ВАС РФ ограничился в своем разъяснении более понятными практическими ситуациями (платежами на одндневки или так называемыми откатами, указав их в качестве примеров), без каких-либо ссылок на мифические интересы юридического лица, то это одно дело, но, увы, в Постановлении дается пространное разъяснение об этих интересах, а лишь затем приводится один уточняющий пример, после которого идет «и т.п.». Зная наши суды и творческий пылливый ум коллег-юристов, можно ожидать появления целого спектра самых фантастических исков о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу в связи со сделкой, совершенной «на заведомо невыгодных условиях» и в противоречии с интересами юридического лица. Очевидно, что эффективное применение этой каучуковой формулы возможно только внутри самого ВАСа, нижестоящим же судам, напротив, не следовало давать слишком широкое дискретное усмотрение в данном вопросе.

Во-вторых, ВАС РФ впервые разрешил довольно сложную дилемму — можно ли директора привлекать к ответственности в виде возмещения убытков перед организацией, которую он возглавлял, за ранее наложенные на нее публично-правовые штрафы. Отныне это стало возможно в силу п. 4 Постановления. Однако практический смысл подобной конструкции тоже довольно спорный. Предположим, взыщут с директора многомиллиардный налоговый штраф, ранее наложенный на возглавляемое им юрлицо, или оборотный штраф за нарушение антимонопольного законодательства, а дальше что? Все равно у такого директора (не только российского, а любо-

го другого) нет достаточной имущественной массы, чтобы сполна покрыть убыток организации, а того, что есть, явно недостаточно. Иными словами, убыток от штрафа так и останется на самой организации. Соответственно, подобная конструкция ответственности директора — это, что называется, поиск стрелочника или, что еще хуже в наших условиях, вариант так или иначе отомстить неугоднему или проворовавшемуся директору. Кстати, если посмотреть на опыт США, где судебная практика возмещения убытков директорами наиболее развитая, то там взыскать убытки с директора можно лишь по коррупционным правонарушениям (компанию привлекают к ответственности за взятки или коммерческий подкуп, после чего акционеры могут засудить директора), но общей нормы — в том виде, в котором ее принял ВАС РФ, — там нет. В общем, наш правопорядок опять впереди планеты всей.

В-третьих, ВАС РФ по данной категории корпоративных споров отходит от того, что многие годы представлялось аксиоматичным, — это самое феноменальное в данном Постановлении. Вроде бы многие годы бесспорным для всех корпоративных споров являлось положение, что правом на иск по любому делу, вытекающему из корпоративного спора, обладает лишь тот акционер (участник), который как являлся таковым на момент совершения спорной сделки (принятия решения собрания и т.п.), так и продолжает оставаться им на момент подачи иска (исключения возможны лишь в случае, когда статуса акционера лицо было лишено неправомерно, что, видимо, и будет устанавливаться в конкретном деле). Однако отныне для указанной категории корпоративных споров — дел о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу деяниями директоров, — ВАС РФ отходит от указанной максимы и вводит прямо противоположную конструкцию. Теперь в силу п. 10 Постановления допускается подача таких исков как прежним акционером (участником), бывшим таковым на момент совершения невыгодной трансакции, так и акционером, вновь пришедшим в общество (!).

По сути, подобный отход от многолетней практики ВАС РФ, типичной для всех корпоративных споров, пусть и по отдельной категории дел, будет способствовать развитию этой сферы коммерческих споров. Правда, в свое время к указанной общей позиции шли довольно долго и ввели ее с тем, чтобы ограничить сутяжничество и корпоративный шантаж. Сейчас же мы наблюдаем разворот практики на 180 градусов. Мне как юристу, сталкивающемуся с судами лишь в качестве адвоката, представляющего того или иного клиента, подобное стимулирование сутяжничества не представляется тем, что действительно нужно сейчас судебной системе. Однако, видимо, в системе арбитражных судов данная проблема видится иначе. Что ж, пожелаем коллегам-судьям (говорю это искренне, без какого-либо ёрничания), которым придется иметь дело с возрастающей судебной нагрузкой, терпения, мужества, предельно деликатного отношения к этой категории дел.

ВЛАДИСЛАВ ДОБРОВОЛЬСКИЙ

руководитель корпоративной практики, ученый секретарь Юридической группы «Яковлев и партнеры», кандидат юридических наук

— Комментируя Постановление Пленума ВАС РФ № 62, хочется остановиться на следующих моментах.

1. Наиболее слабое место в Постановлении — это крайне поверхностное описание того, как именно истец должен доказывать убытки, в чем именно они могут заключаться.

Единственным видом убытков, который более или менее прописан, являются убытки, связанные с совершением сделки на невыгодных условиях. При этом Пленум ссылается на явное и без него очевидное условие — совершение сделки по цене в два и более раза ниже стоимости предоставления. Почему именно в два и более раза? Разве недостаточно, если немотивированная, необъяснимая с точки зрения разумного предпринимательского риска разница в цене составит 50%?

Представляется, что наиболее интересным был бы вопрос, как доказать убытки, связанные с тем, что контрагент по сделке не оплатил полученное имущество или не передал оплаченное имущество (наиболее часто встречающаяся ситуация).

Пленум говорит, что если невыгодность сделки обнаружилась впоследствии по причине нарушения возникших из нее обязательств, то директор отвечает за соответствующие убытки, если будет доказано, что сделка изначально заключалась с целью ее неисполнения либо ненадлежащего исполнения. Однако доказать, что директор заведомо знал, что сделка не будет исполнена контрагентом, практически невозможно. Гораздо легче доказать, что он, действуя разумно, осмотрительно и добросовестно, не должен был, например, перечислять средства авансом в пользу контрагента, с которым ранее не было деловых связей и который не предоставил обеспечения исполнения им обязательств.

В соответствии с п. 5 Постановления в случаях недобросовестного и (или) неразумного осуществления обязанностей по выбору и контролю над действиями (бездействием) контрагентов по гражданско-правовым договорам директор отвечает перед юридическим лицом за причиненные в результате этого убытки (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Однако Пленум не пояснил, в чем именно должен заключаться надлежащий выбор контрагента и контроль за его действиями (бездействием). Как доказать, что директор неразумно и (или) недобросовестно выбрал контрагента? Нужно ли истцу доказывать неразумность условий договора? На эти вопросы (наиболее актуальные!) Пленум ответов не дал.

Таким образом, по главному вопросу — как доказать убытки — Пленум ВАС РФ так ничего и не сказал. Гора родила мышь. Без таких разъяснений судебная практика так и будет считать, что директор не отвечает за выбор контрагента, который не рассчитался по сделке.

2. По-настоящему революционным является указание Пленума ВАС РФ на то, что в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросо-

вестного и (или) неразумного поведения директора с него могут быть взысканы понесенные в результате этого убытки юридического лица.

Представляется, что запутанность налогового, таможенного, административного законодательства РФ заведомо делает фигуру директора предприятия источником повышенной опасности.

ИРИНА ШИТКИНА

управляющий партнер
компании «Шиткина и партнеры»,
доктор юридических наук,
профессор

— Первое, чего хотелось бы коснуться, — это **вопрос о распределении бремени доказывания**. Известно, что общим процессуальным правилом, предусмотренным ст. 65 АПК РФ, является то, что каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. В п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 содержится правовая позиция о возможности перераспределения бремени доказывания в определенных случаях, в частности когда директор⁴ действовал при наличии конфликта интересов; скрывал информацию от участников юридического лица, совершил сделку без требующегося в соответствии с законодательством или уставом одобрения, на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-однодневкой). Перераспределение бремени доказывания ВАС РФ уже практиковал при рассмотрении конкретных споров, например по делу «Кировского завода»⁵ и по делу Акционерного банка «РОСТ» против гражданина А.Н. Горькова⁶. Однако такие подходы были скорее исключением, чем правилом. Теперь ВАС РФ перераспределение бремени доказывания в указанных случаях рассматривает как общее правило.

Немаловажной также является **проблема определения границ судебного усмотрения** по этой категории дел. В Постановлении предпринята попытка дать разъяснения отдельным понятиям, например сделке на невыгодных условиях (п. 2) и тому, какие действия директора можно признать неразумными (п. 3). Однако замечу, что ВАС РФ оставляет значительную свободу усмотрения судам, что, очевидно, неизбежно для такой категории дел. Действительно, заранее предусмотреть полный перечень действий (случаев бездействия) директора, которые могут быть признаны неразумными и недобросовестными, вряд ли возможно, впрочем, как и определить целесообразность предпринимательского риска. То есть судебное усмотрение неизбежно, и предприниматели при обсуждении проекта этого Постановления опасались расширения его границ, ссылаясь на многочисленные факты судебных ошибок и даже произвола. Авторы Постановления учли эти опасения. Например, в сравнении с первым вариантом проекта Постановления, обсуждавшегося на Пленуме

⁴ В моем комментарии, как и в Постановлении Пленума, понятие «директор» используется в широком смысле: это и лицо, выполняющее полномочия единоличного исполнительного органа, и член коллегиального органа управления организации.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010.

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 12771/10 по делу № 40-111798/09-57-539.

ВАС РФ 14 марта 2013 г., в итоговом тексте появились положения о том, что возможность возникновения негативных последствий сопутствует рискованному характеру предпринимательской деятельности и не влечет за собой привлечение директора к ответственности, если его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за рамки обычного делового риска. Директор освобождается от ответственности, если докажет, что заключенная им сделка хотя и была сама по себе невыгодной, но являлась частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых предполагалось получение юридическим лицом выгоды.

За что отвечает директор? Одним из коренных является вопрос о том, а за что, собственно, должен нести ответственность директор. Должен ли он отвечать, например, за подбор персонала, выбор и контроль за действиями (бездействием) представителей, контрагентов? Пленум ВАС РФ и в этом случае отдает вопрос на усмотрение суда: суды должны учитывать обычную деловую практику, масштаб деятельности юридического лица и исходя из этого определять, входит ли в круг непосредственных обязанностей директора выбор контрагентов или контроль за персоналом. В частности, о недобросовестности и неразумности действий (бездействия) директора, помимо прочего, может свидетельствовать нарушение им принятых в этом юридическом лице обычных процедур выбора и контроля.

Ответственность за невыполнение публично-правовых обязанностей. Интересный аспект Постановления — правовые положения о возможности привлечения директора к ответственности в случае привлечения к публичной ответственности (налоговой, административной и т.п.) юридического лица по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора. Это очень тонкий момент, поскольку зачастую сами участники (собственники) юридического лица бывают заинтересованы в нарушении директором публично-правовых обязанностей. Замечу, что этот пункт Постановления содержит многочисленные оговорки, позволяющие директору доказать свою невиновность в невыполнении публично-правовых обязанностей, например представив доказательства того, что квалификация действий (бездействия) юридического лица в качестве правонарушения на момент их совершения не являлась очевидной по причине отсутствия единообразия в применении законодательства налоговыми, таможенными и иными органами, вследствие чего невозможно было сделать однозначный вывод о неправомерности соответствующих действий (бездействия) юридического лица. Интересно получается: высший суд сам сознается в несовершенстве российских законов и неопределенности правоприменительной практики.

Отвечает ли директор, если сделка предварительно одобрена коллегиальным исполнительным органом? Факт предварительного одобрения сделки или иного действия коллегиальным органом юридического лица или участниками не является основанием для отказа в удовлетворении требований о взыскании с директора убытков, поскольку он несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Это значимое положение п. 7 Постановления ранее не было так четко закреплено в качестве правовой позиции.

Вывод. С моей точки зрения, правовые позиции Постановления Пленума ВАС РФ № 62 продвигают судебную доктрину вперед и при отсутствии полноценного законодательного акта о привлечении к ответственности членов органов управления юридического лица⁷ будут способствовать повышению правовой определенности. Я не прогнозирую при этом какого-то заметного роста количества дел этой категории после принятия комментируемого судебного акта. Дела это непростые, требуют значительной доказательственной базы. Однако увеличение числа дел об ответственности лиц, выполняющих функции членов органов управления или осуществляющих фактический контроль за деятельностью юридических лиц — это уже отмечаемый тренд современной судебной практики⁸.

ДМИТРИЙ ЛОМАКИН

профессор кафедры
гражданского права
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Данное постановление — концентрированный ответ на многие вопросы, неоднократно возникавшие в правоприменительной практике. Не думаю, что в связи с его принятием арбитражная практика претерпит кардинальные изменения. Но очевидно, что данный акт приведет к ее унификации, поскольку зачастую арбитражные суды, рассматривая сходные дела о возмещении убытков, причиненных лицами, входящими в состав органов управления юридического лица, принимали диаметрально противоположные решения.

Небольшой пример. К акционерному обществу применяются меры административной ответственности за воспрепятствование осуществлению прав, удостоверяемых акциями (ст. 15.20 КоАП РФ). В основе нарушения прав акционеров лежало действие единоличного исполнительного органа общества (директора). Можно ли с такого директора взыскать в качестве убытков сумму административного штрафа, выплаченного акционерным обществом?

В одних случаях арбитражные суды удовлетворяли подобные иски, в других — нет, мотивируя свое решение отсутствием причинно-следственной связи между действием директора и негативными последствиями в виде наложения штрафа, наступающими на основании акта государственного органа. Представляется, что теперь сомнения в наличии причинно-следственной связи в подобном случае отпадут, несмотря на то что мера административного наказания применяется здесь непосредственно федеральным органом исполнительной власти, а не директором (п. 4 Постановления).

Особое значение, на мой взгляд, имеет решение проблемы, связанной с распределением бремени доказывания по данной категории дел. С одной стороны, обязанность по доказыванию наличия обстоятельств, свидетельству-

⁷ Известно, что проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» в течение уже нескольких лет рассматривается в Государственной Думе РФ (www.duma.gov/systems/law/). В нем, в частности, предпринята попытка определить категории «недобросовестность», «неразумность», перераспределить бремя доказывания.

⁸ См.: Шиткина И.С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // *Хозяйство и право*. 2013. № 3.

ющих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, возлагается на истца (п. 5 ст. 10 ГК РФ), однако, с другой стороны, ответственность директора строится на началах вины, которая при этом презюмируется. Известно, что вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий (бездействия), обусловленных обстоятельствами реальной действительности. Иными словами, директор должен доказать, что действовал добросовестно и разумно.

Налицо коллизия, которая получила разрешение в п. 1 Постановления. Подлежит применению п. 5 ст. 10 ГК РФ. Вместе с тем директору предоставляется возможность дать пояснение относительно своего поведения, неиспользование которой может повлечь за собой возложение судом бремени доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно на самого директора.

Полезен примерный перечень ситуаций недобросовестного и неразумного поведения директора (п. 2, 3 Постановления). Важное разъяснение содержится в п. 5 Постановления, согласно которому ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу его представителями, контрагентами и работниками, может быть возложена на директора, который отвечает в данном случае не за действия третьих лиц, а за недобросовестное и (или) неразумное осуществление своей обязанности по их выбору и контролю над их действиями (бездействием).

Наконец-то сформирована четкая правовая позиция о самостоятельной ответственности директора, достаточным основанием освобождения от которой не может являться последующее одобрение его действий (бездействия) со стороны учредителей (участников) или коллегиальных органов юридического лица (п. 7 Постановления).

Вместе с тем я думаю, что в отношении отдельных положений рассматриваемого Постановления можно высказать некоторые замечания. К примеру, недобросовестность действий директора считается доказанной, когда он действовал в ситуации конфликта интересов, в том числе при его фактической заинтересованности в совершении юридическим лицом сделки (подп. 1 п. 2 Постановления). Таким образом, акцент сделан на факте конфликта интересов, при наличии которого директор совершает определенные действия (бездействует). Такой подход представляется небезупречным. Добросовестность директора или ее отсутствие должны обуславливаться не фактом совершения им действий (его бездействием) в ситуации конфликта интересов, а характеристикой деяния. Если в ситуации конфликта интересов директор действует вопреки интересам юридического лица, то он действует недобросовестно, а если интересы юридического лица не нарушаются, то в отношении наличия недобросовестности директора можно выразить большие сомнения.

Сходный подход демонстрируется американскими судами при рассмотрении дел о нарушении директорами так называемых фидуциарных обязанностей

(*fiduciary duties*), а именно обязанности демонстрировать лояльность по отношению к корпорации (*duty of loyalty*). Существует общее правило, согласно которому директора корпорации должны стремиться избегать попадания в ситуацию конфликта интересов. Однако сами по себе действия директоров в подобной ситуации не являются правонарушением, если только они не идут вразрез с указанной обязанностью. Ее нарушение может проявляться, в частности, в том, что сделка, совершаемая корпорацией, направлена главным образом не на удовлетворение ее собственных потребностей, а на реализацию частных интересов отдельных директоров. Кроме того, правонарушение может заключаться в использовании директорами инсайдерской информации в противоречии с интересами корпорации.

Чтобы соответствовать критериям добросовестности (*bona fide*), действия директора в ситуации конфликта интересов должны соответствовать принципу вытянутой руки (*arm's length principle*), согласно которому он должен абстрагироваться от личных интересов и отдать предпочтение интересам представляемой им корпорации. Так, если директор совершает сделку от имени корпорации со своим родственником, то он должен относиться к нему как к обычному субъекту хозяйственного оборота и исключить предоставление каких бы то ни было привилегий исходя из родственных связей. Образно говоря, в такой ситуации директор должен держать от себя родственника на расстоянии вытянутой руки.

Есть также определенные опасения, что некоторые примеры, содержащиеся в рассматриваемом Постановлении, могут быть приняты судами за уточнение основных положений. Иллюстрацией к сказанному может служить абз. 7 п. 2 Постановления, где приводится пример сделки, совершенной на невыгодных условиях. Это, в частности, сделка, по которой предоставление, полученное юридическим лицом, в два или более раза ниже стоимости предоставления, совершенного юридическим лицом в пользу контрагента. Гипертрофированный пример с двойным занижением предоставления явно неудачен. Обычно недобросовестные участники гражданского оборота действуют более тонко. Хочется надеяться, что суды при выявлении невыгодных условий сделки, производя необходимые арифметические подсчеты, не будут связаны цифрой 2.

СВЕТЛАНА ЧЕХОВСКАЯ

заместитель заведующего кафедрой,
доцент кафедры
предпринимательского права
НИУ ВШЭ,
кандидат юридических наук

— Постановление Пленума ВАС РФ в силу самого названия касается лишь некоторых вопросов возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица. С одной стороны, назрела необходимость обобщить обширную и неоднозначную судебную практику в этой сфере и для этого в комментируемом Постановлении Пленума ВАС РФ был сделан первый шаг. С другой стороны, многие вопросы пока остаются неясными.

Во-первых, будут ли суды исследовать недобросовестность и неразумность действия (бездействия) в качестве элементов объективной или субъективной стороны состава гражданского правонарушения? Если недобросовестность и неразумность относятся к субъективной стороне, то данное Постановление Пленума не дает разъяснений, каким образом суды будут учитывать вину лица, входящего в состав органов юридического лица. Если же это элементы

объективной стороны состава правонарушения, то каким объективным стандартом добросовестного и разумного поведения будут руководствоваться суды в такого рода делах?

Во-вторых, я абсолютно не поддерживаю сложившийся в настоящее время в судебной практике подход, согласно которому суды практически ничем не ограничены в оценке действий или бездействия лиц, входящих в состав органов управления юридического лица. Нельзя думать только о недобросовестных лицах. Я считаю, что судам может быть дано право оценивать принимаемые управленческие решения только после того, как истцом доказано одно из определенных обстоятельств, например наличие конфликта интересов. Перечень таких обстоятельств как раз и может быть обобщен и сформулирован ВАС РФ. Если же истцом это обстоятельство не доказано, суд презюмирует добросовестность лица и не оценивает принимаемые им решения.

РУСТАМ КУРМАЕВ

партнер практики
по разрешению споров
юридической фирмы *Goltsblat BLP*,
кандидат юридических наук

— Полагаю, что после принятия данного Постановления станет существенно проще добиться возмещения убытков, причиненных лицами, входящими в состав органов юридического лица. Пленум ВАС РФ установил для арбитражных судов основные критерии оценки разумности и добросовестности их действий. До принятия же Постановления взыскание убытков с таких лиц было крайне затруднительным.

Хотелось бы отметить, что п. 6 Постановления значительно упрощает доказывание размера убытков, причиненных юридическому лицу. Ранее суды могли отказать в удовлетворении такого иска на том основании, что истцом не доказана точная сумма убытков. Но иногда невозможно установить точную сумму, что не должно нарушать право истца на судебную защиту. В указанном пункте Постановления предусмотрен правовой механизм разрешения данной ситуации: «В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности».

Вместе с тем трудно предположить, окажет ли положительный эффект на судебную практику закрепление в п. 2 и 3 Постановления признаков недобросовестности и неразумности действий лица, входящего в состав органов юридического лица, в качестве жестких презумпций. Возможно, целесообразен более осторожный подход: использование этих критериев арбитражными судами в качестве возможных оснований недобросовестности и неразумности действий, причем их достаточность должна оцениваться с учетом конкретных обстоятельств дела.

Также хотелось бы обратить внимание на п. 7 Постановления. В нем закреплено, что «не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо

директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно». Однако стоит принять во внимание то обстоятельство, что у директора фактически отсутствует возможность не выполнить указание данных лиц либо не исполнить одобренную ими сделку. Представляется целесообразным дополнить данный пункт указанием на то, что о наличии оснований для отказа в удовлетворении иска к директору может свидетельствовать тот факт, что последний уведомлял соответствующие органы о возможности причинения ущерба юридическому лицу данными действиями.

ГРИГОРИЙ ЧЕРНЫШОВ

партнер московского офиса международной юридической фирмы «Уайт энд Кейс»

— Некоторые разъяснения, данные в комментируемом Постановлении, безусловно, сделают процедуру взыскания убытков с директора для истца более простой. Этому будет способствовать, например, перешедшее из дела о привлечении к ответственности директора Кировского завода правило о перераспределении бремени доказывания неблагоприятных последствий в случае, когда директор уклоняется от представления доказательств своей добросовестности. К таким же положениям можно отнести разъяснение о том, что директор отвечает также за привлеченных им лиц, например заключивших невыгодную сделку от имени общества на основании доверенности, или за действия работников компании, если директор вел себя ненадлежащим образом при выборе указанных лиц и контроле над ними. Упорядочат процедуру привлечения директора к ответственности также разъяснения, касающиеся случаев, когда директор совершает сделку после ее одобрения советом директоров или даже общим собранием акционеров: ВАС РФ разъяснил, что это обстоятельство само по себе не освобождает директора от ответственности.

Вместе с тем некоторые положения этого Постановления могут привести к необоснованно широкой ответственности директора. Прежде всего, стоит упомянуть его ответственность за убытки, выразившиеся в административных и иных публичных штрафах, наложенных на общество. Директор отвечает за это, если не докажет, что на момент, когда обществом совершалось действие, послужившее основанием для ответственности, противозаконный характер такой деятельности не был очевиден. Не вызывает сомнений чрезвычайная широта этой формулировки, которая может привести к необоснованному привлечению директора к ответственности. Сюда же можно отнести и ответственность директора за действия работников. С одной стороны, это разъяснение в части, касающейся лиц, действовавших по доверенности, призвано закрыть очевидный пробел в законодательном регулировании. А с другой стороны, ответственность директора за действия работников во многих случаях может быть необоснованной и несправедливой. Сюда же можно отнести большинство случаев, когда, как разъяснил Пленум, недобросовестность или неразумность директора считаются доказанными. Например, теперь совершение директором сделки без одобрения общим собранием акционеров или советом директоров во всех случаях свидетельствует о недобросовестности директора. Едва ли это так во всех случаях.

Некоторые разъяснения вызывают серьезные сомнения в их обоснованности. Например, правило о том, что срок исковой давности по иску общества к директору начинает течь с того момента, когда об основаниях иска к директору стало известно контролирующему акционеру. Ведь контролирующий акционер и само общество — это два возможных истца по иску к директору. Почему срок давности по иску одного истца должен определяться обстоятельствами, зависящими от другого возможного истца? Объяснить это сложно.

Полагаю также, что принятие данного Постановления может изменить практику оспаривания сделок с заинтересованностью и крупных сделок. Пленум в комментируемом Постановлении разъяснил, что истцом по иску к директору может быть также участник общества, который не был таковым в момент причинения обществу убытков либо в момент совершения директором действия, послужившего основанием для ответственности. Объяснено это было тем, что соответствующий иск предъявляется в интересах общества, а не его акционера. Но точно такая же ситуация складывается и при оспаривании сделок с заинтересованностью и крупных сделок — эти иски тоже предъявляются в первую очередь для защиты прав общества. Поэтому существующая сейчас практика, отрицающая за лицом, которое не было акционером на момент совершения сделки, право на ее оспаривание, должна измениться.

Но в целом данное Постановление оставляет очень положительное впечатление, и, надеюсь, с его принятием дисциплина в корпоративных отношениях только повысится.

Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*

РОМАН ТАРАДАНОВ

директор ООО
«Комплексная консалтинговая
компания»
(г. Челябинск)

— Во-первых, нельзя не отметить, что в рассматриваемом Постановлении Пленум активно взялся за толкование новой редакции ст. 10 ГК РФ, что имеет существенное значение не только для споров об ответственности директоров. В частности, в п. 1 Постановления Пленум значительно пересмотрел порядок применения презумпции добросовестности. Так, например, суды фактически получили право считать признаками недобросовестности не только представленные истцом доказательства, но и отказ ответчика доказывать свою добросовестность.

Во-вторых, в п. 2 и 3 Постановления Пленум значительно ограничил «абсолютную» власть директора внутри компании. Лично меня особенно заинтересовал подп. 3 п. 3 Постановления, в котором рассматривается «обычай» согласования условий договоров с бухгалтерией и юридическим отделом. Фактически это означает, что при отсутствии таких согласований директор будет отвечать за все негативные последствия, которые могут возникнуть, например, в результате признания договоров недействительными или незаключенными.

Наконец, в-третьих, в п. 7–10 Постановления, по существу, сформирован относительно новый механизм защиты корпоративных интересов миноритариев. Безусловно, подобные споры встречались и ранее, но они были редкостью. И еще реже они заканчивались успехом для истцов. Во многом это происходило из-за того, что им было довольно трудно объяснить собственный защищаемый интерес. Это же Постановление, по существу, снимает данную проблему и переводит такие дела из категории экстраординарных в область вполне обычных и понятных корпоративных споров.

СЕРГЕЙ БУДИЛИН

старший юрист *Roche & Duffay*
(г. Москва)

— Постановление Пленума ВАС РФ об ответственности директоров продолжает линию, начатую Президиумом ВАС РФ в деле Кировского завода⁹.

Установленные Пленумом правила, несомненно, представляют собой большой шаг вперед в развитии корпоративного права России и, как представляется, способны до некоторой степени ослабить острое желание многих российских предпринимателей урегулировать свои отношения зарубежным корпоративным правом, создавая холдинговые компании за рубежом. Высший судебный орган в очередной раз проявил правотворческую состоятельность, увы, несвойственную в последние годы федеральному законодателю.

На мой взгляд, важнейшие особенности установленных Пленумом правил следующие.

1. Разграничение недобросовестных или неразумных действий директора и его ошибочных действий в рамках обычного предпринимательского риска. В первом случае директор несет ответственность перед обществом, во втором — нет. Это необычайно важно с точки зрения правильной мотивации директоров коммерческих организаций.

2. Разграничение недобросовестных действий директора и его неразумных (хотя и добросовестных) действий. Ранее суды обычно использовали выражение «добросовестно и разумно» как неделимое, между тем разница между «добросовестно» и «разумно» есть, в том числе и в правовых последствиях. Так, Президиум ВАС РФ допускал возможность признания сделок недействительными на основании недобросовестности действий директора (при наличии сговора с контрагентом), но не на основании их неразумности¹⁰.

3. Радикальное перераспределение бремени доказывания в исках против директора. Несмотря на предусмотренную законом презумпцию добросовестности и разумности его действий, Пленум установил, что в случае недобросовестного уклонения директора от дачи пояснений на него может быть

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010.

¹⁰ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 1795/11 по делу № А56-6656/2010.

возложено бремя доказывания добросовестности. Это важный прорыв для истцов-миноритариев, ведь в подобных спорах все доказательства фактически находятся под контролем директора.

4. Согласно Постановлению наличие нераскрытого обществу или не одобренного в установленном порядке конфликта интересов директора и общества влечет автоматическое признание недобросовестности директора. Это, по-видимому, шаг вперед по сравнению с позицией Президиума в деле Кировского завода, который в подобной ситуации сделал вывод лишь о переходе на директора бремени доказывания его добросовестности.

5. В соответствии с Постановлением одобрение действий директора в установленном порядке (например, одобрение общим собранием сделки с заинтересованностью) не означает само по себе, что с директора нельзя взыскать убытки, причиненные такими действиями. Таким образом, например, заведомо невыгодная сделка, совершенная между обществом и его директором и должным образом одобренная обществом, хотя и не является недействительной, но влечет взыскание убытков с директора, а также, возможно, с лиц, участвовавших в ее одобрении. Ранее у судов не было ясности в этом вопросе.

В целом документ (в отличие, скажем, от предшествующего Постановления Президиума) отличается замечательной ясностью, полнотой и четкостью юридических формулировок.

Тем не менее некоторые белые пятна остаются. Возвращаясь к делу Кировского завода, напомним, что миноритарии обвиняли директора завода в «выводе активов» через дочерние общества завода. Миноритарии не смогли ни оспорить эти сделки (не будучи участниками дочерних обществ), ни взыскать убытки с директора (практически не имея доступа к информации по сделкам). Не факт, что их проблемы были бы решены даже с учетом положений рассматриваемого документа. Хотя к теме комментируемого Постановления это не относится, напрашиваются дальнейшие шаги по расширению возможностей истребования доказательств миноритариями и оспаривания ими сделок дочерних обществ.

АРИНА ВОРОЖЕВИЧ

аспирант кафедры
гражданского права МГУ
им. М.В. Ломоносова

— Принятие рассматриваемого Постановления явилось более чем оправданным шагом. До последнего времени суды удовлетворяли иски о взыскании с управляющих лиц убытков, как правило, в двух случаях: при нарушении императивных норм законов о хозяйственных обществах и при доказанности элементов состава их правонарушения (прежде всего вины) в рамках уголовного судопроизводства. В иных ситуациях, когда интересы юридического лица откровенно нарушались, управленцы извлекали прибыль из коммерческих возможностей, которые могли быть выгодно использованы самим обществом, требования участников (акционеров) оставались без удовлетворения. При этом с очевидностью проявлялась неготовность судов применять принципы разумности и добросовестности при оценке действий менеджмента. В большинстве случаев они определялись через установленное в ст. 401 ГК РФ понятие невинности, фактически отождествляясь с ним.

Постановление дало достаточно четкий, сообразный с существующими в зарубежных правовых системах критериями перечень недобросовестных и неразумных действий менеджмента, что должно быть оценено положительно. Но по-прежнему открытым остается вопрос о соотношении данных принципов с виной, которая согласно ст. 44 Закона об ООО и ст. 71 Закона об АО является необходимым элементом правонарушения. В трактовке ВАС РФ недобросовестность и разумность охватывает как объективную, так и субъективную сторону деяния. Необходимо ли в таком случае решать вопрос виновности?

К конструктивным положениям следует отнести четкое установление презумпции добросовестности, окончательное решение коллизии ст. 53 ГК и 277 ТК РФ, распространение рассматриваемых норм на ликвидатора, внешнего и конкурсного управляющего. Необходимо поддержать и предоставление возможности подавать иск лицам, приобретшим статус участника (акционера) после правонарушения. Подобный косвенный иск подается в интересах юридического лица. При этом в отличие от проблемы оспаривания невыгодных крупных сделок или сделок с заинтересованностью речь не идет о нарушении стабильности гражданского оборота при предъявлении исков указанными лицами.